

RU

Гибридные глагольно-прилагательные формы как психологический маркер «уходящей природы» в рассказе И. А. Бунина «Благосклонное участие»

Ройко О. В.

Аннотация. Цель исследования - доказать, что гибридные глагольно-прилагательные формы (в качестве ключевого терминологического сочетания используется дефиниция В. В. Виноградова) являются значимым психологическим маркером «уходящей природы», транслирующим эксплицитные и имплицитные аспекты старости в рассказе И. А. Бунина «Благосклонное участие». Научная новизна работы заключается в первичном обращении к проекции контаминации «лингвистика/геронтопсихология» на локальный художественный текст, интегративном подходе к проблеме взаимодействия «человека завершившегося» и социума, представленной в нехрестоматийном произведении классика. В результате выявлена закономерность реализованной в художественном образе коррелятивности категориального значения причастия как гибридной формы и психологических характеристик старости как синтетического феномена.

EN

Hybrid Verb-Adjective Forms as a Psychological Marker of a “Departing Character” in I. A. Bunin’s Short Story “Benevolent Participation”

Royko O. V.

Abstract. The aim of the study is to prove that hybrid verb-adjective forms (V. V. Vinogradov’s definition is used as a key terminological combination) are a significant psychological marker of a “departing character” that conveys explicit and implicit aspects of old age in I. A. Bunin’s short story “Benevolent Participation”. Scientific novelty of the study lies in initially addressing the projection of the “linguistics/gerontopsychology” contamination on a local literary text, taking an integrative approach to the issue of interaction between a “completed person” and society presented in a lesser-known work of the classic. As a result, the researcher has identified the regularity regarding the correlation of the categorical meaning of the participle as a hybrid form and the psychological characteristics of old age as a synthetic phenomenon realised in the literary image.

Введение

Актуальность темы исследования, посвященного проекции контаминации «лингвистика/геронтопсихология» на рассказ И. А. Бунина «Благосклонное участие», обусловлена интересом интегративной научной мысли к старости как феномену, психологическим маркерам финального этапа человеческого бытия; обращением к одному из трудных вопросов русской морфологии – частеречной принадлежности причастия; значительным потенциалом междисциплинарной области, что, однозначно, разнообразит приемы анализа художественного текста.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: вывести дефиницию «синтетический феномен старости» в пределах предложенной автором концепции; акцентировать значение номинации «уходящая природа» в контексте работы; проанализировать контаминацию языковых и психологических категорий в рамках истолкования идеи художественного образа.

В статье применяются следующие методы исследования: психологический, лингвистический, контекстно-герменевтический анализ; системный подход обеспечивает структурированное аналитическое описание проблемы.

Теоретическая база исследования включает доминанту – грамматическое учение В. В. Виноградова (2001) о частях речи; работы Е. Е. Сапоговой (2011), А. А. Погребняка (2002), О. И. Дорогиной, Ю. В. Лебедевой,

Л. В. Токарской и др. (2020), касающиеся аспектов психологического феномена старости; статьи А. Б. Шагидаевой (2014) о проблемах кризисного возрастного периода и С. П. Лавлинского (2018) об интерпретации литературного геронтоконтекста.

Практическая значимость исследования связана с открытием еще одного направления аспектного анализа малоизученного и, на наш взгляд, недооцененного рассказа И. А. Бунина об уязвимости «уходящей натуры», о кульминационных финальных проявлениях витальности; с расширением темы старости, репрезентированной в русской литературе, – это затрагивает область научного интереса литературоведов. Обозначение вектора проекции грамматических форм на систему психологических знаков, выведенная дефиниция «синтетический феномен старости» могут привлечь внимание лингвистов, психологов, занимающихся проблемой взаимосвязи языковых и психологических явлений. Для специалистов в области геронтопсихологии, изучающих инволютивные процессы, важным иллюстративным материалом станет поведенческая модель, представленная в статье.

Основная часть

Тема старости, «завершающегося существования» является достаточно сложной для интерпретации не только в философско-психологической аналитике, но и в художественном творчестве: люди преклонного возраста часто становятся центральными персонажами «литературного геронтоконтекста» (Лавлинский, 2018). Геронтопсихологические исследования констатируют: «Современная культура не признает за старостью никакого собственного смысла – ей на долю выпадает только символизировать абстрактную жизнь, взятую в аспекте ее непрерывного воспроизводства» (Погребняк, 2002, с. 21). Закономерными элементами финальной фазы жизни специалисты считают угасание, регрессивные проявления. Личность человека позднего возраста подвергается специфическим физиологическим и психологическим изменениям, инволюционируют жизненные цели, корректируются социальные отношения и контакты. Это весьма значимые наблюдения, но также не следует отвергать и другую точку зрения, например, замечание К. Г. Юнга, считавшего старость «временем, благополучным для саморазвития, самопознания и самореализации личности», называвшего его «периодом индивидуации» (Дорогина, Лебедева, Токарская и др., 2020, с. 31). «В рамках экзистенциализма старость рассматривается не просто как естественный, но как благоприятный период жизни, целью которого является достижение мудрости» (Дорогина, Лебедева, Токарская и др., 2020, с. 30). Таким образом, с учетом различных мнений по дискуссионному вопросу, можно вывести понятие «синтетический феномен старости», предполагающее корреляцию антиномий. С одной стороны, поздний возраст демонстрирует рецессию, физиологический и нейропсихологический регресс, снижение уровня социализации, с другой – стареющая личность в состоянии проявить активность, стать доминантой какого-либо творческого акта или действия.

Литературная аналитика не часто обращается к рассказу И. А. Бунина «Благосклонное участие» (1929) как к объекту исследования, возможно, не считая его первостепенным в творчестве классика. Ориентируясь на тему и магистральную бунинскую идею, назовем произведение «литературным геронтоконтекстом», показательным примером репрезентации синтетического феномена старости, маркированного гибридными глагольно-прилагательными формами (номиналируем их как «статистические сигналы»), обладающими уникальным констатирующим потенциалом. В фокусе авторского внимания находится центральный образ безымянной героини, «бывшей артистки императорских театров», певицы, востребованной публикой крайне редко, исключительно для участия в «литературно-вокально-музыкальном вечере в пользу недостаточных воспитанников пятой московской гимназии» (Бунин, 1996, с. 520). Обратимся к определению «уходящая натура» с учетом его контекстуального значения: *последние яркие проявления творческой стареющей личности, концентрирующей силы для подготовки к ритуалу самореализации и поддержания собственной значимости, индивидуации*. Следует отметить, что в работе используется второе значение полисемичного слова «натура»: «Характер человека, темперамент» (Ожегов, 1991, с. 395) и более широкое – человеческая природа. Диалектика изучаемого явления (грамматическая форма рождает семантику, семантика мотивирует форму) и вывод-синтез А. Ф. Лосева (2010, с. 49) «художественная форма есть бессознательно возникающее сознание, или сознательно возникающая бессознательность» позволяют предположить, что контаминация «лингвистика/геронтопсихология», связанная с концепцией рассказа «Благосклонное участие», являет сложный имманентный процесс слияния лексического и грамматического значения слова с психологическими кодами с последующей трансляцией и реализацией в тексте. В нашей интерпретации референтной формой трансляции становятся именно причастия как «категория гибридных глагольно-прилагательных форм» в связи с обозначаемым ими значением «действие + признак», так как психологические характеристики старости точно укладываются в подобные процессуально-признаковые отношения – признак предмета по действию. Ориентированность на учение В. В. Виноградова (2001, с. 208) мотивирована комплементарными отношениями между идеей бунинского образа и заключением лингвиста: «...значение признака – относительного или качественного – сталкивается и сочетается со значением действия-процесса».

На первый взгляд, причастия не являются преимущественным статистическим сигналом изучаемого художественного текста. В количественном отношении слова гибридного класса по сравнению с именами прилагательными и «расширенными прилагательными» (адъективом), представленными объемно (110 единиц), малочисленны, их всего 27; картина негетерогенна: 19 действительных причастий (13 настоящего времени, 6 прошедшего), 8 страдательных прошедшего времени. В портрете «бывшей артистки императорских театров»

причастия занимают особое место, формируют пласт психологического состояния героини накануне апофеоза финального периода жизни. Так, гибридные глагольно-прилагательные формы настоящего времени непереходного значения «с бьющимся сердцем», «с пылающими ушами...» находятся на границе со вторичным адъективом и обозначают, по теории В. В. Виноградова, «наличный процессуальный признак», транслируют крайнюю степень взволнованности, внутреннего напряжения, предчувствия редкой возможности нарушить однообразное существование, оказаться в центре внимания; номинация «распущенные волосы» скрывает в своей доминирующей признаковости произведенное в трепетном ожидании счастья действие. Морфологический минимализм подчеркивает особенности психотипа «уходящей натуры», позволяет говорить о максимальной когерентности физических и моральных сил героини в узловой точке. Краткая форма страдательных причастий прошедшего времени фиксирует неизбежность происходящего, фатальную неотвратимость приближающегося события: на афише «напечатаны имя, отчество и фамилия»; «все силы ее доведены до предельного напряжения»; «накинуто что-то черно-кружевное». Актриса с упоением готовится к вечеру, тщательно продумывает репертуар, ежедневно повторяет 12 произведений на бис, боится предстоящего, переживает по поводу реализации краткосрочных надежд, но в то же время желает, чтобы все случилось. Завершают атрибутивный набор деталей-символов глагольно-адъективные формы совершенного вида прошедшего времени: «Смерть, собравшуюся на бал»; «завитые и взбитые со всех сторон серые волосы». В данном случае особенно важно замечание В. В. Виноградова (2001, с. 211): «Выражаемое этими причастиями действие-качество носит яркий отпечаток результативного значения совершенного вида».

Вычленим несколько оттенков эмоционально-психологического состояния героини, обозначенных в тексте пунктирно, имплицитно, косвенно. Интерес вызывают две составляющие мироощущения одинокой стареющей певицы: то, что она чувствует до выступления на благотворительном вечере, и то, что переживает после него (о последнем этапе автор сознательно умалчивает). Номинация «до» намечена схематично, адъектив «бывшая» в высшей степени информативен и не требует дополнений: доминирующий признак с семантикой давно прошедшего времени является первостепенным в трактовке художественного образа, так как наблюдается «снижение энергии личности и уменьшение количества постоянных социальных контактов» (Дорогина, Лебедева, Токарская и др., 2020, с. 41). Констатация факта старости, одиночества, ненужности обществу, сведение до минимума социальной функции личности (о героине известно, что она «дает уроки пения» дома), «бытие старым», «осознание своей становящейся завершенности» (Сапогова, 2011, с. 77) маркированы преимущественно значением признака, обозначаемого негибридными прилагательными: «Одинока (подключается гендерный аспект: женщины чаще, чем мужчины, одиноки в старости), очень не молода, широкоскула, жилиста» (Бунин, 1996, с. 520). Точкой бифуркации оставшейся творческой энергии, жизни с целью служения искусству и обществу становятся три недели напряженной подготовки к «вечеру, имеющему быть на третий день рождественских праздников», и ее «благосклонное» в нем участие. Максимальное количество причастий (23 из 27) действительного и страдательного залога характеризуют ипостаси апогея: она оживает, появляется смысл существования, укрепляется валидность «уходящей натуры»; ее ждут, она может украсить своим присутствием благотворительный вечер: «...сама участница безвыходно сидит в это время дома и работает не покладая рук, дабы не обмануть ожиданий Москвы, – без конца выбирает, что петь, с утра до вечера пробует голос, разучивает то, то другое...» (Бунин, 1996, с. 521). Адъектив «взволнованная», наречие «испуганно», образованное от глагольно-прилагательной формы «испуганный», – меты внутреннего состояния пожилого человека и его психологические характеристики. Экстатическое состояние передано через музыкальную тему, в которой наблюдаем аргументирующие статистические сигналы действительного залога настоящего времени («любящей, жаждущей счастья, отрекающейся»), в них «особенно широко и свободно развиваются качественные значения» (Виноградов, 2001, с. 211). Это чужая, вымышленная жизнь, но ее хочется прожить в «роковой» день, во время исполнения романсов «про тучу, которая с громом повстречалась, и про какое-то убежище, – “в убежище сюда направил нас господь”, – и с особым блеском: “Я б тебя поцеловала...”» (Бунин, 1996, с. 523), – для героини все уже в прошлом, все «бывшее»: и успех, и чудный голос, и слава, и юные поклонники, сопровождающие «уходящую натуру». В последнем абзаце рассказа действительные причастия прошедшего времени «сидевший»; «чуткая молодежь, ставшая в проходах», «кричавшая», «бывшая» по отношению к предыдущим антитетичны, грамматически оформляют эмоциональность и экспрессию, присущую юности, активную форму взаимодействия человека с миром: «Глагольные значения очень сильно дают себя знать в причастиях на -вший» (Виноградов, 2001, с. 211). Нельзя не отметить их характеризующую роль: действие исходит от молодых людей, в данном случае реципиентов (как реакция на пение героини), оценивших выступление артистки, хотя она исполняла всем «известный, старый, неизменный репертуар», признавших ценность «творческого продукта», произведенного человеком преклонного возраста. Примечателен комментарий А. А. Саакянц: «...вряд ли бунинская героиня имела “колоссальный успех”, да еще особенно у молодежи. Но именно так она ощущала этот вечер и на нем – саму себя» (Бунин, 1996, с. 546). Гибридные формы со значением «признака по действию» в описании интерьера представлены необъемно; И. А. Бунин минималистичен в средствах построения художественной модели обители старой певицы: там жизнь почти замерла, пространство «янтарно озаренной» комнаты нельзя назвать зоной комфорта, оно замкнуто, двери со всех сторон заперты, существование еще освещается «пахнущими керосином лампами» и мерцающими за окнами красными и синими огоньками, но все это приглушенно, неярко, замедленно, без лишней активности, действия и интереса ко всему, что происходит во внешнем мире. Причастие

в данном случае транслирует, вопреки общему категориальному значению, преимущественно признак при стертости действия. Обращает на себя внимание факт употребления в тексте ограниченного количества возвратных форм причастий, их всего 2 – «отрекающейся» и «сбравшуюся»: первая форма относится к вымышленной ситуации, содержанию музыкального произведения, вторая – к реальной жизни «уходящей природы»; в последнем случае выражено сильное глагольное начало.

Итак, классифицируя статистические сигналы, можем обозначить две категории: первую, касающуюся непосредственно героини, и вторую, не менее важную, декоративную, создающую фон «уходящей природы», атмосферу для ее самовыражения. Парадигмы обеих структур включают иллюстративный материал, маркирующий психофизиологические аспекты старения. В первой парадигме, в свою очередь, удалось выделить значимые компоненты: 1) 7 первичных «гибридных глагольно-прилагательных» форм; 2) 3 вторичных, образованных от их основы (адъектив, утративший активное значение глагольности, наречие). Доминирование категории прошедшего времени (5 единиц) и страдательного залога (4 единицы), транслирующего признак предмета, который испытывает на себе действие со стороны другого предмета, жизненных обстоятельств, времени, свидетельствует о психологической достоверности описанной ситуации и точности передачи мироощущения человека позднего возраста, преобладания внутриличностной активности. «Бунин рисует образ героини с огромной силой сопереживания. Он понимает старость, нужду, жестокость жизни и неугасимый порыв к счастью, даже если оно – мираж», – справедливо считает А. А. Саакянц (Бунин, 1996, с. 546). Вторая парадигма с учетом вторичных статистических сигналов насчитывает 22 психологических маркера, грамматических линера, контурно обозначающих интерьер, картинку из краткосрочного периода счастливой жизни бывшей артистки, содержание музыкальных произведений, поведение юных сопровождающих, прием публики на вечере и др. Из представленных гибридных форм выделяется 12 причастий настоящего времени, 17 единиц действительного залога. В связи с этим совершенно закономерным становится вывод о доминировании внешнего активного действия, настоящего процессуального признака, который точно и объективно характеризует юность, молодость, обрамляет инволюционные проявления старости, зафиксированные в художественном тексте о проблеме взаимодействия «человека завершившегося» с обществом, с собственной «уходящей» личностью, еще живущей надеждой на самореализацию.

Заключение

В заключение представим выводы на основании результатов исследования. Во-первых, доказано, что, с точки зрения научной мысли, предложенная автором статьи гипотетическая контаминация «лингвистика/геронтопсихология» достаточно актуальна; она имеет право на существование, так как обнаружен значительный потенциал в рамках междисциплинарной области. Во-вторых, установлено, что художественная ткань проанализированного рассказа «Благосклонное участие», действительно, дает возможность рассмотрения диалектических отношений двух номинаций: причастия как гибридной глагольно-прилагательной формы (с учетом теории В. В. Виноградова) и психологических аспектов старости. В-третьих, определено, что, несмотря на немногочисленность выявленных и классифицированных морфологических единиц – статистических сигналов, их можно считать психологическими маркерами «уходящей природы» (как в прямых, так и в косвенных характеристиках). В-четвертых, обоснована синтетическая природа феномена старости, репрезентованная в литературном геронтоконтексте, что позволило наметить важный вектор развития темы.

Рассмотренная междисциплинарная проблема требует дальнейших исследований, перспективы которых предполагают расширение корпуса текстов, включение в него, в частности, рассказа Т. Н. Толстой «Река Оккервиль», где акцентируется тема старости (также представлен образ стареющей певицы, ее быта и бытия), функционально доминируют причастия, и составление своеобразного диптиха на основании компаративного анализа текстов И. А. Бунина и Т. Н. Толстой.

Источники | References

1. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. / послесл. А. Саакянц. М.: ТЕРРА, 1996. Т. 4. Произведения 1914-1931 гг.
2. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / под ред. Г. А. Золотовой. Изд-е 4-е. М.: Русский язык, 2001.
3. Дорогина О. И., Лебедева Ю. В., Токарская Л. В. и др. Геронтопсихология: учебное пособие / под ред. Ю. В. Лебедевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020.
4. Лавлинский С. П. Онтология старости в современной культуре: новейшая драматургия в кинематографическом и литературном геронтоконтексте // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. № 24 (2).
5. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М.: Академический проект, 2010.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70 000 слов. Изд-е 23-е, испр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Русский язык, 1991.
7. Погребняк А. А. Старость как ресурс // Философия старости: геронтософия: сборник материалов конференции. Серия "Symposium". Вып. 24. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2002.

8. Сапогова Е. Е. Экзистенциально-психологический анализ старости // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 7. № 3.
9. Шагидаева А. Б. Старость как кризисный возрастной период // Современная психология: материалы II Международной научной конференции (г. Пермь, 20-23 июля 2014 г.). Пермь: Меркурий, 2014.

Информация об авторах | Author information

RU**Ройко Оксана Валентиновна¹**¹ Филиал МГУ имени М. В. Ломоносова в Севастополе**EN****Royko Oksana Valentinovna¹**¹ Branch of M. V. Lomonosov Moscow State University in Sevastopol¹ royko_oksana@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 15.07.2022; опубликовано (published): 31.08.2022.

Ключевые слова (keywords): гибридные глагольно-прилагательные формы; психологический маркер; номинация «уходящая натура»; статистические сигналы; hybrid verb-adjective forms; psychological marker; naming “departing character”; statistical signals.